

Алексей Тепляков

«Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920—1930-е годы

Огромные масштабы негласной работы ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР, военной разведки, Коминтерна требовали наличия массы секретных сотрудников (сексотов). При изучении истории органов госбезопасности особое внимание привлекают их многочисленные конспиративные агенты. Однообразный финал судеб множества секретных сотрудников приводит к весьма определённым выводам. Речь идёт о практике постоянных и беспощадных расправ с теми из них, кто, с точки зрения чекистов, отработали своё. Цель данной публикации — понять принципы и проследить эволюцию отношения чекистов к своим негласным помощникам в «острые» исторические периоды.

Царская тайная полиция своих агентов оберегала, и если случались провалы, то причиной являлась служебная халатность (либо — как в случае с руководителем большевистской фракции в IV Государственной думе Р.В. Малиновским — принципиальное несогласие экс-директора Департамента полиции МВД А.А. Лопухина с присутствием тайного полицейского агента в законодательном органе страны). Начальник Московского охранного отделения (с 1896 г.) и Особого отдела Департамента полиции (1902–1903 гг.) С.В. Зубатов предупреждал, что в работе любого секретного сотрудника, даже самого лояльного и эффективного, из-за постоянного стресса рано или поздно наступает момент психологического перелома, поэтому его кураторы должны уметь вовремя расстаться с агентом, вывести из революционных кругов, легализовать, обеспечить пенсией[1].

У большевистской власти, чьи органы госбезопасности с самого начала взяли курс на создание массовой агентурной сети, отношение к своим негласным помощникам было принципиально иное — предельно прагматичное и циничное. Вся система их тайной работы основывалась прежде всего на провокациях. Недаром, например, основной отдел Казанской губернской ЧК, именовавшийся в других ЧК секретно-оперативным, первое время официально назывался провокаторским[2]. Главной стороной негласной работы являлось сознательное провоцирование секретными агентами лиц, подозревавшихся в нелояльности режиму, на какие-либо активные действия; агентов также прямо ориентировали на оговор тех людей, которые находились в оперативной разработке. Секретные сотрудники должны были играть роли заговорщиков и их активных пособников, передавать гражданам нелегальную литературу, документы, оружие, подталкивать их к резким нелояльным высказываниям, написанию листовок и т. д. — вплоть до участия в спровоцированных вооружённых выступлениях.

Постоянные расправы с агентами из соображений ведомственной целесообразности отмечались с первых месяцев существования ВЧК.

Так, лично завербованного её председателем Ф.Э. Дзержинским издателя А.Ф. Филиппова в начале 1918 г. направили в Финляндию с разведывательными поручениями. Но по возвращении в июне 1918 г. он был арестован Петроградской ЧК за принадлежность к «контрреволюции» и до сентября находился в заключении. Сначала Дзержинский дал возможность главе чекистов Петрограда М.С. Урицкому проявить бдительность за счёт своего секретного сотрудника, затем использовал Филиппова в Секретном отделе ВЧК на негласной работе против духовенства, а в 1923 г. отправил его в застенки повторно — уже за «антисоветскую агитацию»[3].

Бывало так, что агентура центрального аппарата ВЧК уничтожалась случайно, из-за несогласованности действий различных подразделений. Например, в годы Гражданской войны с целью изъятия валютных ценностей «была организована также тайная скупка золота у спекулянтов через систему агентов ВЧК (отсюда такие казусы, как расстрелы местными органами ЧК её собственных агентов)»[4].

В начале 1920-х гг. практика ликвидации агентуры переживала расцвет, что хорошо видно на примере работы местных органов ВЧК. Летом 1920 г. омские чекисты придумали легенду о 15 тыс. белогвардейцев, которые, якобы, проникнув в ряды РККА и создав склады оружия в Омске, Новониколаевске и Петропавловске, рассчитывали поднять восстание 22 августа 1920 г. Во главе организации, состоявшей из «пятёрок», чекисты поставили колчаковского подполковника Драчука-Орлеанов, возможно, действительно входившего в небольшую офицерскую организацию, но превращённого в лидера крупного заговора и застреленного при аресте. Руководящий состав «организации», которой приписывались связь с «подпольными организациями» Томска, Уфы, Семипалатинска, Москвы и Петрограда, союз с эсерами и субсидирование английской разведкой, в значительной степени состоял из чекистских агентов. Есть сведения, что этому делу расстреляли свыше 400 человек. Не исключено, что среди них был и живший в Кургане сексот Н.В. Смирнов, который 30 октября 1920 г. был осуждён Омской губчека к расстрелу за участие в «подпольной белогвардейской организации»[5].

Летом 1920 г. Алтайской губчека было сфабриковано дело о «заговоре Алтайской нелегальной организации» (АНО). Во главе этого небольшого по численности, но амбициозного «заговора», участники которого якобы планировали общесибирское восстание, стояли агенты ЧК — бывший колчаковский офицер Я.Е. Плешивцев, являвшийся начальником штаба «повстанческой организации», а также эсер И.И. Дзепо-Жилинский, работавший при белых каинским уездным комиссаром Томской губ. Плешивцев с Дзепо-Жилинским, работавшие в барнаульской тюрьме, провоцировали коллег, распространяя сведения о спрятанном оружии и скором восстании АНО. Они оговорили ряд лиц (в результате, например, в июле 1920 г. арестовали и вскоре расстреляли помощника начальника губернского управления местами

заклучения А.Т. Кравченко)[6], но в итоге сами тоже оказались среди осуждённых. Правда, судьба агентов оказалась различной. Из Барнаула уцелевших фигурантов этого дела перебросили в Москву, где 1 октября 1920 г. постановлением Президиума ВЧК Плешивцев был приговорён к расстрелу, а Дзепо-Жилинский получил 10 лет заключения[7], затем был освобождён и даже вступил в компартию. Но по материалам полпредства ОГПУ по Сибирскому краю он оказался обвинён по ст. 67 УК РСФСР и в июне 1926 г. исключён Сибирским краевым комитетом ВКП (б) из партии с направлением дела в ОГПУ как бывший «контрразведчик» старого режима. Чекисты, арестовав агента, ссылались на некую директиву Секретного отдела ОГПУ СССР № 6331 от 30 октября 1925 г.[8]

Не менее характерно дело тайного сотрудника Новониколаевской ЧК поляка А.Ф. Штутаса (Штуттаса), 35-летнего уроженца Варшавы, члена компартии с 1917 г. В апреле 1920 г. этот бывший командир 6-й роты 236-го полка 77-й дивизии, ранее арестовывавшийся при Колчаке, донёс в Новониколаевскую ЧК на своего коллегу И.Г. Апенина, обвинив его в службе в карательном отряде, заявив, что «таким паразитам... нет места... на земле, ему место в штабе Колчака», после чего Апенина расстреляли[9]. После Колыванского антикоммунистического восстания в Томской губ. для спешного осуждения захваченных повстанцев был создан особый отдел при так называемой Средней группе советских войск в Колывани. Этот отдел, состоявший из пяти человек, включая Штутаса, 16, 23 и 29 июля 1920 г. рассмотрел дела 363 человек, из которых 87 приговорил к расстрелу. С 1920 г. Штутас, проходивший в чекистских ведомостях как «Григорьев», играл роль руководителя филиала крупной белогвардейской организации, связанной с центром в Казани. Официально секретный агент служил артистом в новониколаевском цирке, а своим жертвам представлялся в качестве лидера повстанческой организации А.Ф. Вознесенского, иногда «проговариваясь» о том, что он на самом деле — бывший польский поручик де Вальде[10]. Хотя «Григорьева» по обвинению в службе на разведку Колчака заключили под стражу 29 января 1921 г., но лиц, которых он провоцировал, арестовывали и впоследствии.

Такой жертвой стал задержанный в Семипалатинске 9 февраля 1921 г. инструктор железнодорожного территориального полка 32-летний Н.С. Рыжков. Этот бывший подпоручик (чекисты его «повысили» до штабс-капитана) в Первую мировую войну командовал ротой, был ранен. В 1920 г. его взяли в агентурную разработку, так как фигура «штабс-капитана» была весьма подходящей для ответственной роли в какой-нибудь белогвардейской организации. У чекистов Новониколаевска имелась сводка материалов на арестованного, составленная сексотом (возможно, всё тем же Штутасом): «Виделся 15 октября [1920 г.] с [секретным] сотрудником... Рыжков передал сотруднику, чтобы он передал Сироткину проверить и забрать гранаты на Болдыревской в доме 88... Во время пребывания Рыжкова

в организации таковая именовалась: «Ново-Николаевский Колекционный Комитет Военной Организации»... Рыжков вырабатывает план нападения и захвата города при восстании... в Томске Рыжков состоит в белогвардейской организации"[11]. Под давлением чекистов бывший подпоручик признался, что с 15 августа 1920 г. участвовал в подпольной организации, состоявшей из трёх человек: самого Рыжкова, Фёдора Сироткина и А.Ф. Вознесенского, сама же организация не была оформлена и не имела связи с другими городами. В то же время Рыжков заявлял на допросе 4 марта: «Ядов для травли коммунистов я ни от кого не получал», «чтобы я сказал, что у отравленных коммунистов с портфелями можно будет в портфелях кое-что хорошего... найти — этого не было», «план нападения на Ново-Николаевск составлен не мною». 21 марта 1921 г. коллегия Новониколаевской ЧК приговорила Николая Рыжкова к расстрелу[12].

В феврале 1921 г. по делу подпольной организации новониколаевского отделения «Сибирского Учредительного собрания» были арестованы около 30 военнослужащих. Между тем на допросе 19 марта 1921 г. Штутас откровенно признался, что эту белогвардейскую организацию он создал в 1920—1921 гг. по заданию уполномоченного по шпионажу и военным делам Новониколаевской ЧК М.К. Зайцева: «В этой организации работало нас 5 секретных сотрудников и друг друга мы не знали, все занимали ответственные посты в организации... иногда я рапорты писал просто под диктовку Зайцева, [он] всегда грозил арестом, печати организации были сделаны по распоряжению Зайцева"[13]. На изготовление печатей уполномоченный выдал Штутасу 20 тыс. руб., а получив печати, сделал с них оттиски, которые обнаружили при обыске в кабинете Зайцева. Попала в дело и переписка по факту созданной «организации». Несмотря на разоблачительные показания сексота, коллегия Новониколаевской уездной ЧК два дня спустя приговорила многих оклеветанных им военнослужащих к расстрелу или заключению в концлагерь. С ними 21 марта 1921 г. осудили к расстрелу и Штутаса — заодно с его куратором Зайцевым, который оказался разоблачён как служивший у белых и приписавший себе революционные заслуги. Парадоксальным образом в 2002 г. Штутас и Зайцев были реабилитированы — вместе со своими жертвами[14].

Примером массовой ликвидации агентуры в период после Гражданской войны является сфабрикованное дело Базаровско-Незнамовской организации, по которому проходили около 100 участников, осуждённых по обвинению в заговоре на открытом процессе в Новониколаевске (Новосибирске) весной 1923 г. Из 23 расстрелянных не менее четверти являлись агентами ВЧК-ГПУ[15]. Практика уничтожения агентов под видом особо опасных государственных преступников сохранялась в течение 1920-х гг., несмотря на серьёзное ослабление репрессий и резкое сокращение численности аппарата ГПУ-ОГПУ. В условиях прекращения «массовых операций» против

враждебных и потенциально враждебных элементов от чекистов требовались эффектные дела о заговорах, лучше всего, шпионских. Агенты, подставленные иностранцам и затем раскрытые или по каким-то другим причинам выведенные из дела, были лучшими кандидатами на роль разоблаченных шпионов. Так, из письма Ф.Э. Дзержинского помощнику секретаря ЦК РКП (б) И.В. Сталина Л.З. Мехлису следует, что из расстрелянных ОГПУ в 1924 г. во внесудебном порядке 77 «шпионов» основную часть составили сексоты, превращённые в «агентов-двойников»^[16]. Дальнейшая практика выглядела сходным образом. Помогавшие в фабрикации дела на троих немецких студентов, арестованных в СССР по обвинению в намерении убить И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого, секретные агенты ОГПУ — выходец из Германии Г. Г. Вертц (кличка — Бауман) и бывший венгерский военнопленный Гомерих Грюнвальд — вскоре после завершения судебного процесса летом 1925 г. были расстреляны^[17]. А в 1927 г. приговорили к расстрелу сексота ОГПУ Готфрида, который был приставлен к германскому полковнику О. фон Нидермайеру (официальному представителю рейхсвера в СССР) и давал тому дезинформацию о положении в Красной армии. Готфрида обвинили в том, что он якобы передавал Нидермайеру шпионские сведения^[18].

Чекисты точно рассчитывали часы жизни и смерти своих утративших ценность сексотов из числа лиц с историческими именами. Управлявший Иркутской губ. в 1918—1919 гг. эсер П.Д. Яковлев скрылся из Иркутска 28 декабря 1919 г. и уехал в Харбин, где под фамилией Дунин устроился в профсоюз работников КВЖД. В мае 1920 г. Яковлев связался с большевиками и организовал группу из семи человек для теракта против атамана Г. М. Семёнова, но месяц спустя он был направлен новыми хозяевами на политическую разведку. В августе 1922 г. Яковлев вернулся в Дальневосточную Республику и продолжал активное сотрудничество с военной разведкой Народно-революционной и 5-й армий, однако в марте 1923 г. в Чите его арестовали и отправили сначала в Иркутск, а затем в Новониколаевск. По согласованию с Секретным отделом ОГПУ сибирские чекисты в декабре 1923 г. освободили Яковлева и отправили в Москву, где он был завербован ОГПУ. Обосновавшись в Москве, Яковлев работал экономистом в системе Экспортхлеба и поставлял сведения на сослуживцев. Вероятно, эти сведения оказались не очень ценными, и 27 сентября 1924 г. он был арестован, а 15 января 1925 г. — расстрелян по постановлению Коллегии ОГПУ от 12 января 1925 г. за «активную к.-р. деятельность» в годы Гражданской войны^[19]. Это была классическая расправа с ненужным агентом, замаскированная борьбой с «контрреволюцией», тогда как Яковлев, управляя при Колчаке Иркутской губ., критически относился к белой власти и был далёк от принципиальной борьбы с большевизмом.

Авантюрист В.В. Яковлев (К.А. Мячин, Стоянович) — ещё один агент с ярким прошлым. Этот опытный боевик-экспроприатор, член ВЧК,

комиссар поезда, перевозившего семью Романовых из Тобольска в Екатеринбург, командующий Самаро-Урало-Оренбургским фронтом и командарм 2-й армии на Чехословацком фронте, в июне 1918 г., после разгрома своих войск, сдался Комитету членов Учредительного собрания и после недолгого тюремного заключения смог в 1919 г. уехать в Китай. Там Яковлев до 1927 г. жил в Харбине под фамилией Стоянович. Чекисты установили с ним контакт и использовали как негласного сотрудника. А когда он отработал своё, выманили в СССР и сразу приговорили к расстрелу за былую измену, заменив затем высшую меру наказания на 10 лет лагерей. Впоследствии Яковлева использовали на небольшой руководящей работе в Сиблаге, а в 1937 г. уволили из НКВД и через год расстреляли как шпиона[20].

Но основной процент ликвидированных агентов падал на рядовых сексотов. Многие наспех завербованные сотрудники годились только на разовые операции, невольно получая в ходе исполнения поручений важную оперативную информацию, разглашения которой чекисты опасались. И тогда следовала ликвидация. Особенно легко расправлялись с агентурой в приграничных районах, где погранотряды постоянно вербовали большое количество лиц для недолговременной засылки за кордон. Например, сексот ОГПУ в Минском районе БССР Г. З. Манусевич в сентябре 1924 г. был расстрелян по обвинению в контрабанде (реабилитирован в 1992 г.)[21].

В ноябре 1925 г. Н.М. Шнеерсон, возглавлявший отделение контрразведки Приморского губотдела ОГПУ во Владивостоке, отправил следующую красноречивую записку начальнику 53-го погранотряда П.С. Панову: «Посылаю тебе мышьяк 25 грам[мов]. Им можно отравить 100–150 человек. Исходя из этого, ты можешь соразмерить, сколько нужно на каждого человека. На глаз нужно маленькую щепоточку. Держать мышьяк нужно в тёмном месте»[22]. И Шнеерсон, и Панов, несмотря на то, что эта записка стала известна начальству, успешно продолжили карьеру в ОГПУ. Логично предположить, что эта порция яда предназначалась именно для устранения неугодных агентов. Тем более что очень часто задания заграничной агентуры не имели отношения к охране государственной безопасности, а являлись — в обстановке крайне высокой криминализированности закрытого от контроля чекистского сообщества — чисто коммерческими операциями по транспортировке в СССР значительных партий контрабанды[23]. Физическая ликвидация агентов была самым надёжным способом как скрыть неудачи закордонных операций, так и присвоить контрабандные товары. Видный украинский чекист А.Ф. Ратынский-Футер, обладавший полной информацией о судьбах большого количества негласных работников ЧК-НКВД, в конце 1930-х гг. на следствии откровенно дал показания о «существующей традиции избавляться от отработанной агентуры», рассказав, что агентов часто просто убивали при переходе границы[24].

Возможно, что агента могли тайно уничтожить и для того, чтобы за него получить полагавшееся сексоту вознаграждение. Суммы, выделявшиеся на содержание агентуры, как сообщал в своих мемуарах известный чекист М.П. Шрейдер, были абсолютно секретны, и ведомости на них почти сразу уничтожались. Доступ к средствам на секретно-оперативные нужды имели как руководители региональных органов ОГПУ-НКВД, так и начальники отделов этих подразделений, причём, «по существующему положению, [полпред] ни перед кем не отчитывался... документы о расходах таких средств ежемесячно сжигались спец. комиссией по выбору самого полномочного представителя ГПУ, а в отделах — по выбору начальников отделов, о чём составлялся соответствующий акт"[25]. Такая система, разумеется, открывала пути для всевозможных финансовых злоупотреблений.

Периодом по-настоящему массовых расправ с агентурой оказались годы «великого перелома», начиная с 1929 г., когда чекисты резко взвинтили темпы фабрикации «заговорщицких» дел. Особенно рисковали агенты, выполнявшие разведывательные поручения, поскольку для чекистов это были готовые «шпионы». Например, бесславно закончилась тайная карьера бывшего градоначальника Одессы и генерала Украинской Галицкой армии, авантюриста В.Н. Сокиры-Яхонтова, которого по заданию ВЧК отправили в начале 1920-х гг. в Польшу с целью выманить лидера эмигрантского украинского движения С.В. Петлюру и его ближайших соратников на Украину. Вскоре Сокира-Яхонтов был арестован польской полицией, затем обменян на провалившегося польского разведчика. Вернувшись в СССР, он преподавал в военных учебных заведениях, а в 1929 г. его арестовали и расстреляли[26].

Агенты, чья потенциальная опасность начинала превышать их оперативную ценность (скажем, на завершающем этапе какой-либо агентурной разработки), подлежали превентивной ликвидации. Показательно в этом смысле уничтожение сотрудников, обеспечивших операцию «Трест». Измена А. Опперпуга-Стауница, одного из основных агентов, задействованного в ней, привела к досрочному сворачиванию крайне важного для чекистов проекта и повлияла на репрессии в отношении его коллег-сексотов. Чутьё изощрённого авантюриста подсказало Опперпугу необходимость бегства весной 1927 г., когда операция близилась к завершению. То, что он подлежал ликвидации, впоследствии не отрицал и один из участников «Треста» — чекист Б.И. Гудзь[27]. Типичным примером чекистской расправы над отслужившим своё сотрудником является судьба основного агента «Треста» А.А. Якушева. В конце 1929 г. он был тайно арестован по обвинению в преступных связях с белоэмигрантскими лидерами, во встречах с которыми, собственно, и заключалась его работа. В деле Якушева не оказалось никаких компрометирующих свидетельств, но после четырёхлетнего следствия агента осудили на 10 лет как шпиона, и тот

погиб в заключении[28]. В 1937 г. все основные конспиративные сотрудники «Треста» были уничтожены.

Чекисты, обжѣгшиеся на перебежчике Опперпуте, хотели видеть «отработанный материал» под надёжным замком, а не на свободе. Именно так о штатных сотрудниках госбезопасности рассуждал и Сталин: «У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму»[29], т. е. видные чекисты в случае каких-то политических претензий подлежали не увольнению, а репрессиям как носители слишком специфической информации. Такая точка зрения не могла не влиять на отношение и к совершенно беззащитным негласным помощникам чекистов. Возможно, что Якушев и другие ненужные более сексоты — с учётом их высокой чекистской квалификации — использовались в качестве внутрикамерных агентов. Недаром лиц, намеченных для работы «наседками», нередко арестовывали именно тайным порядком. К тому же сексота легко можно было уговорить стать лидером очередной «контрреволюционной организации», которые фабриковались конвейером — за 1929 г. ОГПУ СССР только в сельской местности выявило 7 305 «контрреволюционных образований»[30]. От чекистов требовалось и регулярное раскрытие агентов-«двурушников», поэтому аресты Якушева и других могли быть поданы как разоблачение «предателей». По сведениям Т.К. Гладкова, аналогичная участь в конце 1920-х гг. постигла десятки важных агентов ОГПУ[31].

Например, расправа ожидала активного участника чекистской операции «Синдикат-4» бывшего царского офицера А.А. Ларсена (он же Пфейль и Климович), которого использовали для легендирования перед белоэмигрантами и немецкой разведкой существования в СССР заговорщицкой «Внутренней Российской национальной организации». Но после провала «Треста» бдительность заграничных кругов в отношении подобных групп возросла, и Ларсен не смог заинтересовать ни германскую военную разведку, ни берлинских русских монархистов. Чекисты без каких-либо оснований обвинили агента в двурушничестве, в сентябре 1928 г. арестовали и в январе следующего года расстреляли[32]. Та же судьба постигла и Н.А. Мосевича-Боярова, которого как агента Контрразведывательного отдела ОГПУ в 1926—1930 гг. несколько раз перебрасывали в Польшу для освещения деятельности русских эмигрантов и польской разведки. Однако в ноябре 1930 г. его задержали и расстреляли, обвинив в провокационно-шпионской работе и намерении создать «троцкистскую организацию»[33].

Член ЦК Компартии Западной Украины и кандидат в члены Исполкома Коминтерна П.С. Ладан имел обширные связи в Украинской войсковой организации (УВО, предтеча известной Организации украинских националистов) и в 1928 г. в Берлине получил предложение от шефа нелегальной резидентуры ОГПУ в Германии вербовать агентуру среди функционеров УВО. Ладан сумел привлечь к негласному сотрудничеству четырёх её членов, однако его отозвали в СССР и арестовали 18 августа 1931 г. Он был обвинён в членстве в УВО теми,

кого сам же и завербовал. Разведчика отправили в следственный изолятор «посидеть с годик», как успокаивал своего агента начальник Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ А.Х. Артузов, один из идеологов и практиков использования агентов для фабрикация шпионских дел. Ладан оказался в эпицентре подготовки политического процесса над участниками мифического «Украинского национального центра» во главе с историком М.С. Грушевским, но процесса организовать не удалось, и свыше 50 фигурантов осудили по другим «делам». В январе 1932 г. Коллегией ОГПУ Ладан был приговорён к расстрелу и в апреле казнён[34].

Секретного сотрудника полпредства ОГПУ Северо-Кавказского края С.П. Самохвалова, с 1922 г. некоторое время жившего в Стамбуле, в 1932 г. за шпионаж и связь с международной буржуазией также приговорили к расстрелу, но заменили его 10 годами концлагеря. В начале 1930-х гг. работник Особого отдела ОГПУ Ленинградского военного округа М.И. Мигберт завербовал судового врача Бритнева, который регулярно выезжал за границу и встречался с родственниками в Англии, попутно выполняя задания органов безопасности. Через некоторое время Мигберт представил своего агента английским шпионом, в результате чего Бритнева расстреляли, а чекиста наградили пистолетом и повысили в должности[35]. Аналогичные подходы к агентуре демонстрировали чекисты Украины, в 1930 г. активно фабриковавшие масштабное дело на «военных заговорщиков» в рамках агентурной разработки «Весна». В конце 1930 г. курировавшие её московские особисты отмечали, что «по ликвидированным делам арестовано 17 секретных сотрудников, дезинформировавших наши органы»[36].

Создание многих тысяч дел по «крестьянскому повстанчеству» в период коллективизации опиралось на усилия провокационной агентуры, с которой расправлялись беспощадно. Например, при ликвидации сфабрикованного полпредством ОГПУ по Сибкраю крупного заговора «Семья примерного общества» (привлечены 233 человека, из которых 140 расстреляны) среди осуждённых оказалось около 10 агентов[37]. Так же показательна в этом отношении судьба сексота А.С. Мальцева, расстрелянного в 1931 г. барнаульскими чекистами в рамках крупного дела «Охотники» (158 арестованных). Руководители «повстанческой организации» — торговец А.С. Мальцев и «кулак» П.М. Балахнин — якобы ездили по сёлам, «где имели районных организаторов и участковых резидентов», установили связь с бежавшими в тайгу «кулаками» и выдвинули лозунг: «Земля и воля для крестьянства!» Бывший агент по закупке пушнины Мальцев был человеком несерьёзным, болтливым и любителем жить за чужой счёт. Желая поправить свои финансовые дела, он согласился на роль в чекистском спектакле, закончившуюся для него плачевным образом[38].

Следствие по огромному «белогвардейскому заговору» 1933 г. в Западно-Сибирском крае (около 2 тыс. арестованных) также основывалось на провокационном использовании внутрикамерной агентуры. В Новосибирске видных интеллигентов, поставленных в центр заговора, уговаривал признаться специально арестованный для подсадки бывший князь и давний агент ОГПУ С.П. Волконский. Следовавший в обвинительном заключении под вторым номером (сразу за знаменитым белым генералом, учёным, мемуаристом В.Г. Болдыревым) Х.Е. Бутенко — бывший полковник царской армии и глава войск белого Приморского правительства — был агентом ОГПУ с 1923 г. Другим чекистским помощником являлся также записанный в руководители заговора Р.П. Степанов — бывший генерал-майор, командовавший казачьей дивизией и воевавший в корпусе белого генерал-лейтенанта А.С. Бакича. Бутенко и Степанов были расстреляны вместе с основными «заговорщиками», а Волконского для конспирации перебросили в Ленинград, где до 1939 г. он исправно поставлял материалы в НКВД на новых шпионов. В 1939 г. Волконского арестовали как провокатора, но обвинили его в том, что ложные материалы он поставлял чекистам, чтобы замаскировать свою работу на британскую и германскую разведки. В июле 1941 г. его расстреляли и впоследствии не реабилитировали[39].

В 1933 г. сотрудники секретно-политического отдела ГПУ Украины завербовали академика В.А. Юренца, «центрального агента» (по оценке чекистов), работавшего под целой россыпью псевдонимов: Звезда, Фёдоров, Федя, Иванов. Он вёл большую провокационную работу, создавая «террористические группы» из представителей украинской интеллигенции. Вместе с сексотом А.А. Беленьким-Березинским Юронец оговорил десятки людей. Члены одной из сфабрикованных ими «террористических групп» были осуждены в декабре 1934 г. — сразу после убийства С.М. Кирова; в её состав входили видные писатели И.А. Крушельницкий, Д. Фальковский (Д.Н. Левчук, бывший чекист), К.С. Буревой, Г. С. Косынка-Стрилец, глухонемой поэт А.С. Влызько. Из 37 фигурантов процесса расстреляли 28 человек. Главный редактор Украинской советской энциклопедии Беленький-Березинский, арестованный в 1932 г., был «заагентурен» в тюрьме и в 1933 г. получил 10 лет заключения. В 1935 г. его освободили и отправили в ссылку. Находясь в г. Ишиме Омской обл., Беленький-Березинский в начале 1937 г. был арестован и в следующем году осуждён тройкой за провокационную деятельность. Расстреляли и академика-сексота Юренца[40].

Привычно жертвуя агентами ради правдоподобия обвинительных материалов, чекисты вместе с тем выдвинули идею о массовом «двурушничестве» агентуры, завербованной из крестьянской среды[41]. Например, среди почти тысячи участников Муромцевского восстания в Омском округе, захвативших в марте 1930 г. районный центр, находилось до десятка секретных агентов[42]. Частые волнения

и восстания на селе обычно возникали стихийно, и многочисленная, но неквалифицированная осведомительная сеть, завербованная в основном насильственным образом, не всегда могла помочь чекистам. Например, чекистским агентом (либо формальным, либо провокатором) являлся предводитель Парбигского восстания ссыльных крестьян в Нарыме летом 1931 г.^[43] Нередкие эпизоды, когда агенты не соглашались давать нужные чекистам сведения, уклонялись от встреч и т. п., работники ОГПУ расценивали как саботаж. Так, сельский учитель из Старобинского района Минской обл. И.А. Новик был арестован в декабре 1932 г. и осуждён тройкой ОГПУ 28 марта 1933 г. к 10 годам лагерей за подрыв коллективизации: «являясь секретным осведомителем погранотряда, не сообщал об антисоветской деятельности [контрреволюционной] группы»^[44]. В конце 1932 г. репрессировали и осведомителя Алейского райотдела ОГПУ (совр. Алтайский край) «Красника», зажиточного крестьянина, поскольку тот скрыл засоренность колхоза «кулаками», давал неверные компрометирующие сведения на колхозников, а на явке заявил чекистам: «Советскую власть любить не за что, т.к. она всех угнетает, в частности у меня отобрали кузницу». Тогда же в Хакасии был арестован резидент «Харюс» (коммунист, избач^[45] в селе Большая Сея), обвинённый как участник контрреволюционной группировки. Специальная проверка, проведённая полпредством ОГПУ по Западно-Сибирскому краю на рубеже 1932–1933 гг., выявила несколько эпизодов с отказом агентуры работать на чекистов^[46].

13 февраля 1933 г. председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий в своём приказе об очередных задачах агентурно-оперативной работы особо отметил, что «исключительного внимания требуют к себе установленные факты участия целых групп агентов и осведомителей (по 6–8 человек) в ликвидированных подпольных повстанческих организациях («Клич», «Пришелец», «Мовисты», «УВО»). В отдельных случаях установлено участие в к[онтр]-р[еволюционных] организациях резидентов, которые использовали поступающие от агентуры сведения о наличии повстанческих ячеек в своих целях, устанавливая связи с этими ячейками для совместной к[онтр]-р[еволюционной] повстанческой работы («Пришелец»). Всех выявленных двойников, дезинформаторов, предателей и т. д. предавать Суду Тройки ГПУ УССР»^[47]. А Г. Г. Ягода даже официально пригрозил чекистам, виновным в вербовке сексота-«изменника», заключением в концлагерь^[48].

При фабрикации крупных дел нередко ликвидировались сразу целые группы агентов, в том числе граждан стран-сателлитов. Этот «обычай» хорошо виден на примере дела около десятка сексотов Государственной внутренней охраны МНР, специально вывезенных в СССР и осуждённых тройкой полпредства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в начале 1934 г. вместе с почти сотней таких же мнимых «шпионов»^[49]. Агенты, работавшие за рубежом и обвинённые в двойной игре, уничтожались

в тайном порядке. Так, в 1935 г. начальник Спецбюро и Оперативного отдела управления НКВД по Дальне-Восточному краю А.А. Лиман-Митрофанов получил из Москвы указание расстрелять двоих «закордонных агентов-двурушников», один из которых был якобы капитаном японской армии, а второй — монголом или бурятом. Лиман-Митрофанов поручил исполнение этого устного приговора троим своим подчинённым. Характерно, что в 1957 г. начальник УКГБ по Хабаровской обл., отвечая на прокурорский запрос по данному делу, заявил, что «это не убийство, а одна из разновидностей оперативной необходимости»^[50].

В среде бывшей внутривластной оппозиции работало множество сексотов, на которых в середине 1930-х гг. обрушился вал репрессий по обвинению в двурушничестве. В 1937 г. на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) подчёркивалось, что в «процессе следствия по антисоветскому троцкистскому центру только по одной Москве было выявлено 65 агентов-предателей, которые систематически дезинформировали органы государственной безопасности, запутывали всё дело, активно способствуя безнаказанной деятельности троцкистов». Видным агентом Секретно-политического отдела (СПО) ГУГБ НКВД был столичный литератор А.А. Мусатов (1900–5.10.1936), бывший троцкист, доцент кафедр марксистской философии трёх вузов. Ягода заявил о нём на Пленуме ЦК как о «крупном агенте СПО по троцкистам..., выдавшем немало контрреволюционных групп», но затем — якобы из-за ослабления бдительности курировавших его чекистов — ставшем двойником и дававшим некие ложные данные о троцкистской «организации». В январе 1936 г. Мусатова арестовали как члена террористической троцкистской группы и расстреляли с другими известными оппозиционерами^[51].

Провокаторы деятельно участвовали в наиболее известных политических процессах. В процессе Г. Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, И.Н. Смирнова и др. отличился, по сведениям чекиста-перебежчика А.М. Орлова, сексот НКВД Валентин Ольберг, расстрелянный в августе 1936 г. вместе со всеми проходившими по делу. Агентом начальника Прокопьевского горотдела УНКВД по Западно-Сибирскому краю был В.В. Арнольд, в 1937 г. попавший в число фигурантов процесса «Антисоветского террористического центра», по которому осудили Г. Л. Пятакова, Г. Я. Сокольникова, К.Б. Радека и др. Арнольд получил 10 лет заключения, но осенью 1941 г. был расстрелян с санкции Сталина^[52]. Начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю В.М. Курский при расследовании троцкистского дела в 1936 г. «использовал арестованного Ежова Сергея Ивановича в качестве агента... последний был переведён и работал над арестованными в Москве, когда готовился открытый процесс» («Антисоветского террористического центра» над Г. Л. Пятаковым и др. — А.Т.)^[53]. В апреле 1939 г. Ежов был приговорён к расстрелу, затем помилован, а в сентябре 1941 г., как и Арнольд, оказался уничтожен в числе 157 узников Орловской тюрьмы.

Особенно пострадала негласная сеть в период Большого террора. В 1937—1938 гг. чекисты с лёгкой душой проводили своих агентов в качестве руководителей и активных участников бесчисленных заговорщицких организаций (обещая, разумеется, помилование и скорое освобождение) и расстреливали вместе с теми, кого сексоты оговорили. В конце декабря 1937 г. чекисты Татарии расстреляли как «участников эсеровской организации, осведомителей НКВД» жителей Лаишевского района портного И.Н. Винокурова и колхозника Ф.А. Лоцилова[54]. Бывший сотрудник Могилёвской губчека и сексот Могилёвского окротдела ГПУ БССР И.Д. Гронский в 1929 г. как участник «шпионской организации» оказался осуждён на 10 лет лагерей. Вместо заключения в концлагере он был отправлен на жительство в Сибирь, где в 1937 г. его «повысили» до организатора шпионской группы, но на этот раз Гронский был признан «отработанным материалом» и уничтожен[55].

Видный работник 3-го (контрразведывательного) отдела УНКВД по Алтайскому краю А.Д. Черных в 1939 г. заявлял, что Барнаульским горотделом НКВД «по линии третьего отдела... была арестована почти вся сеть, [хотя] можно было некоторых освободить и с успехом использовать на свободе». Помощник начальника 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области В.Д. Качуровский показывал, что в 1937—1938 гг. «много было арестовано и из числа негласных сотрудников органов, которые помогали в обработке других, давали любые показания, и затем были проведены по этим делам и осуждены"[56]. О больших масштабах уничтожения агентуры наглядно свидетельствуют данные и Челябинского УНКВД, где по указаниям его начальника П.В. Чистова оперативные отделы арестовывали своих сексотов и добивались от них показаний, по которым затем шли массовые репрессии. Так, по делу «Повстанческого духовного центра» (из 1 127 привлечённых расстреляны 714) были арестованы 22 агента, в том числе основные помощники чекистов в его фабрикация: обновленческий архиепископ Михаил (Вяткин) и священник Бормотов[57].

Насколько можно судить, одним из самых драматических примеров уничтожения огромной массы агентуры в годы Большого террора стала акция украинских чекистов. Фабрикация шпионские дела, они использовали сеть Иностранного отдела ОГПУ, а также многочисленных агентов Разведуправления РККА, которые в первой половине 1920-х гг. использовались в качестве боевиков, когда советские спецслужбы организовывали массовое вооружённое подполье в Польше, Болгарии и Румынии. В 1924 г. под давлением НКВД скандальные акции за рубежом были прекращены, и боевикам пришлось вернуться в СССР. 27 августа 1937 г. заместитель Н.И. Ежова Л.Н. Бельский сообщал ему из Киева: «Основными контингентами, используемыми польской разведкой, являются галицийские кадры, перебежчики, политэмигранты... бывшие агенты ИНО, бывшие сотрудники Разведупра... В соответствии с Вашей директивой изымаются в Молдавии, Одессе и в районах Могилёв-Подольского округа

перебежчики, политэмигранты, бывшие сотрудники Разведупра, агенты ИНО"[58]. Около 500 сотрудников, прибывших по каналам Разведотдела штаба Киевского военного округа и осевших на территории Украины, осенью 1937 г. приговорили к расстрелу, обвинив в том, что они являются агентами румынской разведки[59].

Даже заведомо ценные сексоты — с большим стажем работы и возможностями по добыче нужной чекистам информации — нередко ликвидировались. Генерал-перебежчик М.В. Фастыковский в эмиграции работал на советскую разведку, а после возвращения в СССР усердно доносил на знакомых военных. В 1937 г. его арестовали и расстреляли. В 1939 г. были задержаны и два года спустя после пыток расстреляны агенты ИНО НКВД С.Я. Эфрон, Н.А. Клепинин-Львов и другие, вынужденные выехать из Франции в СССР после нашумевшего убийства перебежчика И.С. Рейсса[60]. Разумеется, репрессии против многих сексотов были связаны и с тем, что их руководители-чекисты оказались «врагами народа».

Сотрудники НКВД дотягивались до ставших ненужными агентов и за рубежом. Белый генерал-майор Н.В. Скоблин после своего провала осенью 1937 г., когда всплыла его причастность к похищению руководителя Русского общевоинского союза генерала Е.К. Миллера, был вскоре ликвидирован чекистами, которые много лет спустя распространили легенду о его гибели в Барселоне во время бомбёжки[61]. Заметались и следы других неблагополучных закордонных операций. Например, после неудачного первого покушения на Л.Д. Троцкого в 1940 г. в провале операции был обвинён и немедленно расстрелян как предатель один из участников террористической группы Д. Сикейроса — охранник Роберт Шелдон Харт по кличке «Амур». Один из боевиков, будущий член-корреспондент Академии Наук СССР И.Р. Григулевич, много лет спустя жёстко ответил собеседнику на упрек в убийстве агента: «А что было с ним делать? Ведь его нужно было спрятать и потом нелегально вывозить из Мексики. Словом, хлопот не оберёшься! И потом — влезь в шкуру Сикейроса. Ведь он телеграфировал в Москву, что Боб Шелдон их предал, и потому они стреляли в пустую кровать. Москва приказала: предателя расстрелять! Что мы и сделали"[62].

Одной из самых мрачных страниц негласной чекистской деятельности является использование лиц, завербованных в тюрьме для работы в качестве «наседок» — внутрикамерных агентов, помогавших чекистам получать признания заключённых. В условиях массовых репрессий агенты ОГПУ-НКВД, в том числе бывшие, выступали как лица, с помощью которых можно было быстро расширить рамки репрессируемых контингентов. Они легко соглашались работать внутрикамерными агентами, после чего дежурно «выводились в расход». Те, кто ранее не были агентами, а вербовались, уже будучи заключёнными, не подозревали, что даже при самой эффективной

службе на чекистов обречены на неизбежную казнь или осуждение на длительный срок[63].

Масштабы чисток среди сексотов в СССР ленинско-сталинского периода были настолько велики, что верно будет говорить о настоящем феномене перманентной физической ликвидации значительной части агентурно-осведомительного аппарата. Операции по уничтожению «отработанных» агентов стали важной составляющей деятельности советских чекистов. Реально эта практика расширяла поле применения смертной казни, которая, таким образом, носила предельно конспиративный характер и касалась, например, многих лиц, убитых при «нарушении границы». Уничтожая сексотов, давших нужные показания на других лиц, чекисты надёжно рубили концы очередного сфабрикованного дела. Имея дело с агентами из враждебного лагеря, завербованными путём угроз или обещанием помилования, сотрудники карательной системы всегда имели в виду возможность измены. Эти агенты, будучи на связи с видными работниками ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, накапливали информацию о подоплёке некоторых важных дел, функционировании и кадрах чекистского аппарата, что считалось опасным. Значительная часть агентуры уничтожалась в связи с той соблазнительной лёгкостью, с которой на неё можно было фабриковать заговорщицкие и шпионские дела. Убедительное разоблачение очередного такого дела, особенно ценимого в чекистской среде, было зачастую невозможно без пожертвования агентом (нередко уже бесполезным), который подводился к нужным иностранцам, играя роль приманки. Чаще всего объект чекистского внимания разгадывал эту игру, либо агент, отиравшийся среди иностранцев, не находил интересных зацепок. И тогда сексота арестовывали и хладнокровно расстреливали во внесудебном порядке как шпиона. Обилие поляков, прибалтов, евреев, немцев и представителей других национальностей среди агентуры превращало её в излюбленную мишень террора, при этом преследовалась цель — не только отчитаться внушительным числом разоблачённых шпионов, но и ликвидировать носителей криминальных государственных секретов.

Практика чекистской работы свидетельствует о том, что основная часть добытых агентурных данных оказывалась непригодной, поскольку чекистов интересовали лишь такие материалы, которые можно было развернуть в «красивое» дело[64]. Так как большинство разработок имело тупиковый характер, то участвовавшая в них агентура считалась скомпрометированной: бесполезной, расконспирированной, а то и двурушнической, отказывавшейся от разоблачения «врагов». Массовость негласной сети была залогом того, что подходящий сексот для оформления группового дела найдётся всегда. Даже самые известные и заслуженные сотрудники, отработав свой срок, репрессировались ради возможности разоблачить очередную «шпионскую организацию». Масштабы уничтожения агентуры в целом соответствуют колебаниям карательной политики. В 1920—1930-х гг.

репрессиям было подвергнуто множество тайных агентов — возможно, десятки тысяч.

Чекисты являлись сторонниками «безотходного производства». Практика массовой ликвидации агентов была объективно неизбежным следствием преступных по своей сути методов агентурно-оперативной работы, которые удобнее всего было скрывать с помощью уничтожения негласных помощников. Агент, как бесправный слуга террористического режима, был обречён расстаться с жизнью или свободой в тот момент, который определялся заинтересованностью циничных чекистов-кукловодов.

[1] *Спиридович А.* Записки жандарма. М., 1991. С. 50.

[2] *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 89.

[3] *Леонов С.* Дзержинский — Троцкий: кто кого? Борьба за контрразведку // *Родина*. 2008. № 12. С. 33–37; *Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926.* М., 2007. С. 693, 790.

[4] *Сапоговская Л. В.* Золото в политике России (1917–1921 годы) // *Вопросы истории*. 2004. № 6. С. 31–47.

[5] *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 136; *Жертвы политического террора в СССР.* М., 2007 (CD).

[6] Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (далее — ОСД ГААК), ф. Р-3, оп. 7, д. П-24095, л. 1–14.

[7] «Руководствуясь революционной совестью□». Сборник документов по истории Алтайской губЧК 1919–1922. Барнаул, 2006. С. 132; *Революцией призваны: Документальные повести и очерки о чекистах Алтая.* Барнаул, 1987. С. 4.

[8] *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ... С. 133, 241, 243; Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО), ф. П-6, оп. 1, д. 261, л. 81.

[9] Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. П-20849, л. 26.

[10] Там же, д. П-17996, л. 1–55; д. П-20927, л. 1–57.

[11] Там же, д. П-20646, л. 56.

[12] Там же, л. 57, 78, 84.

[13] Там же, д. П-20 849, л. 26.

[14] *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С. 143; *Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области.* Вып. 2. Новосибирск, 2008. С. 44.

[15] *Тепляков А. Г.* «Базаровско-Незнамовское дело» 1923 г.: технология фальсификации и пропагандистского обеспечения // *Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения:*

сборник материалов российско-французского семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). Новосибирск, 2010. С. 106–109.

[16] Большеви́стское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 304.

[17] *Исаев В. И.* «Они хотели убить Сталина». ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. Новосибирск, 2005. С. 45–48, 53, 86, 144–145.

[18] Военно-исторический архив. Вып. 1. М., 1997. С. 212.

[19] *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 180; Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ), ф. Р-45 369, Т. 1–2.

[20] *Алексеев В. В.* Гибель царской семьи: Мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 53–82.

[21] См.: Жертвы политического террора в СССР. М., 2007 (CD).

[22] *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 270 (записка ошибочно датирована 1926 г.).

[23] *Золотарьов В.А.* Секретно-політичний відділ ДПУ УСРС: справи та люди. Харків, 2007. С. 118; Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 87–94.

[24] *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина. М., 2009. С. 153.

[25] *Шрейдер М.П.* Воспоминания чекиста-оперативника // Архив Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (Москва), ф. 2, оп. 2, д. 101, л. 509.

[26] *Савченко В.* Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: М., 2000. С. 239–246.

[27] Красная звезда. 2002. 16 авг.

[28] *Тумшис М. А.* ВЧК. Война кланов. М., 2004. С. 47–50.

[29] *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 491.

[30] *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. М., 2006. С. 121.

[31] *Гладков Т. К.* Артур Артузов. М., 2008. С. 230–231.

[32] *Тумшис М.А., Папчинский А. А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 337.

[33] А.А. Папчинский и М.А. Тумшис без каких-либо оснований пишут о том, что троцкистскую организацию реабилитированный посмертно Мосевич, якобы жаждавший «лавров Якова Блюмкина», действительно намеревался создать, но был вовремя остановлен (*Папчинский А.А., Тумшис М. А.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001. С. 255–257). Логичнее выглядит предположение, что Мосевич-Бояров, как и несколько штатных чекистов (Я.Г. Блюмкин, Б.Л. Рабинович, Г. А. Басов, расстрелянные в 1929—1930 гг.), стал жертвой вошедших в моду поисков «троцкистских агентов».

[34] Ярошенко А. Д. Видный деятель КПЗУ: к 70-летию со дня рождения П.С. Ладана // Украинский исторический журнал. 1962. № 1. С. 147; newzz.in.ua/histori/1148831078-ukrainskijj-front-sovetskojj-razvedki.html

[35] Тумшиц М.А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка □ С. 56; Жертвы политического террора в СССР. М., 2007 (CD).

[36] Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 387.

[37] ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 220, л. 136.

[38] Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. М., 2008. С. 184.

[39] Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. П-7 496, л. 220.

[40] Золотарьев В.А. Секретно-політичний відділ ДПУ УССР □ С. 218, 254–257.

[41] Михеев В. И. Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму и повстанческим проявлениям в Центральном Черноземье в 1922—1934 годах. М., 2003. С. 177.

[42] ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 8, д. 220, л. 136.

[43] Там же, оп. 9, д. 550, л. 610.

[44] Архив КГБ Белоруссии, д. 7205-С (сведения Белорусского «Мемориала»).

[45] Избач — клубный работник (от термина того времени «избачитальня» — прообраз сельского клуба).

[46] ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 11, д. 766. Л. 14, 10, 18, 19.

[47] Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали. Київ, 2007. С. 680–682.

[48] Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 577.

[49] Тепляков А. Г. Машина террора... С. 364–365.

[50] Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 229.

[51] Вопросы истории. 1994. № 12. С. 4; 1995. № 2. С. 24–25; Жертвы политического террора в СССР. М., 2007 (CD).

[52] Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Т. 5. Томск, 1999. С. 150.

[53] Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. П-8 437, т. 3, л. 347.

[54] Книга памяти Республики Татарстан (см.: Жертвы политического террора в СССР. М., 2007).

[55] Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-5 455. Т. 1–4.

[56] Там же, д. П-4 495, т. 6, л. 36; д. П-777, л. 116–121.

[57] Вепрев О.В., Лютов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск, 2002. С. 291–292.

[58] Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. Т. 1. Київ, 2010. С. 168, 170.

[59] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 291.

[60] Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 85–88, 92–95, 121; Кудрова И. Гибель Марины Цветаевой. М., 1995. С. 154.

[61] Петров Н., Геворкян Н. Конец агента «13» // Московские новости. 1995. № 46.

[62] Папоров Ю. По следу призрака Троцкого // ЛГ-досье. 1994. № 8. С. 23; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 2003. С. 10.

[63] Тепляков А. Г. Машина террора... С. 293–301.

[64] Там же. С. 143.

Впервые опубликовано: Российская история. 2013. № 4. С. 101–115.

<http://rusk.ru/st.php?idar=63379>